

Григорий Романов

Взяточник

Сдать или не сдать? Вот в чем вопрос!

16+

Григорий Васильевич Романов

Взяточник

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31735881
SelfPub; 2018*

Аннотация

Евгений Иванович Максимов, чиновник областной Администрации, попался на взятке. Следователь предлагает ему сдать начальство и получить свободу, в противном случае – тюрьма. На размышления дается двое суток в изоляторе временного содержания. Очевидное, по началу, решение постепенно становится не таким очевидным. Встречи в камере изолятора и собственные размышления ставят взяточника перед сложным выбором. О том, что решил Евгений Иванович и чем это закончилось для него самого, – в настоящем рассказе.

ВЗЯТОЧНИК

Сдать или не сдать? Вот в чем вопрос!

У. Шекспир, практически...

Оговорюсь сразу: брать взятки нехорошо. Коррупция разъедает общество, влечет инфляцию права и подрывает доверие граждан к институтам власти. И конечно же, соответствующей статьей, за это предусмотрена уголовная ответственность. Довольно строгая, к слову сказать. Но, кто вспоминает Уголовный Кодекс, пока его страницы не зашелестят перед носом, перечисляя грядущие кары?

Таков и наш герой, Евгений Иванович Максимов, чиновник среднего звена, подвизавшийся на ниве архитектуры, точнее, на ниве госрегулирования в этой сфере. Когда-то, он окончил архитектурно-строительный институт и мечтал о творческой профессии. Но жизнь, своими извилистыми и не всегда эстетичными тропами, привела его на госслужбу, в Комитет архитектуры и градостроительства В-кой области.

Здесь, незыблемые как гранит, красные линии, генпланы, трассы, коммуникации, зоны исторической застройки и рекреации, непрошибаемой стеной встают на пути одних застройщиков и чудесным образом раздвигаются перед другими.

По своей должности, а Евгений Иванович был начальником одного из отделов, он не был, что называется, на острие

атаки. Надо сказать, что по меркам своего ведомства, он вообще не был взяточником. Все серьезные дела решались без его участия, большие деньги похрустывали вдали от его ушей. Он не состоял в пуле избранных сотрудников, которых начальство изначально отряжало на темные дела. Нет, объективных противопоказаний к этому не было. Но там, где начинаются большие деньги, уже мало быть просто лояльным и компетентным. Здесь на первый план выходят более близкие отношения: родственники, кумовья, свояки... По этой же причине, должность начальника отдела была потолком его служебного роста, и Евгений Иванович об этом знал.

Тем не менее, кое-что прилипало и к его рукам. Зная о том, какие деньги крутятся в комитете, Евгений Иванович не считал то, что ему перепадало, взятками, а воспринимал, как своего рода премию, приятную надбавку к зарплате. Начальство о его левых заработках знало, но всегда закрывало на это глаза. Евгений Иванович, в свою очередь, знал о том, что они знают и их молчание воспринимал как должное. Сложившийся консенсус всех устраивал, своей карьерой Евгений Иванович был доволен.

Ему было сорок два года, он был привлекателен как мужчина, компетентен как специалист, да и человеком был неплохим. Был счастливо женат, имел дочь двенадцати лет, если кому это интересно. Евгений Иванович был не злым, с хорошим чувством юмора, помогавшим ему улыбнуться там, где стояло бы призадуматься, а то и приуныть. Был терпелив

и толерантен к людям и от судьбы, в свой адрес, ждал того же.

До поры, до времени, судьба действительно была к нему благосклонна, закрывая глаза на мелкие шалости. Но, видимо, в какой-то момент, толи чаша терпения переполнилась, толи ангел-хранитель задремал... но, случилось страшное: Евгений Иванович попался на взятке.

Но об этом чуть позже. А сейчас, к концу подходила суббота, был канун православной Пасхи. Супруга, Наталья, попросила Евгения Ивановича зайти в церковь и оставить там кулич, чтобы его освятили и назавтра он, освященный, попал к ним на праздничный стол.

Послушный муж купил в магазине кулич и отнес его в храм, расположенный практически у него во дворе. Поставив будущего короля застолья на широкую лавку, где уже стояли несколько таких же, Евгений Иванович направился на выход. Церковная атмосфера никогда не нравилась ему: от запаха ладана начинала болеть голова, а от заунывного чтения молитв как-то неприятно и тоскливо становилось на душе.

– Сын мой! Услышал он у себя за спиной властный голос священника. – Не хочешь исповедаться ради Светлого Воскресения Христова?

– Я? Евгений Иванович обернулся. В предпраздничный день желающих исповедаться было более чем достаточно. И сейчас они стояли в углу храма, ожидая своей очереди быть

услышанными и прощенными. Обращение пастыря лично к нему было в высшей мере странно.

На Евгения Ивановича смотрел батюшка лет пятидесяти. Высокий, худой, с довольно жидкой растительностью на лице и пронзительными черными глазами, смотревшими одновременно и строго, и насмешливо, но при этом без вызова. Отказать человеку с таким взглядом было очень сложно.

– Да что исповедаться, грешен, как и все.

– Святые, сын мой, все на небесах пребывают. А на земле все грешные. Про первородный грех слышал? Все мы его потомки.

– И что, богу интересно про мои грехи знать?

– Богу все интересно.

– Хотите рассказать ему про меня?

– Он без меня все знает.

– Тогда в чем смысл исповеди? Он наши души и так видит, как раскрытую книгу.

– Смысл исповеди? Точно не в том, чтобы что-то сообщить всевышнему.

– А в чем?

– В тебе. Что ты сам готов вынести на его суд. Что сам считаешь грехом, в чем готов раскаяться.

– Ну, не знаю, в чем каяться... Я, вот, женат второй раз. Он ведь этого не одобряет?

– Нет, не одобряет. А почему с первой супругой расстался?

– Не сошлись характерами.

– Храм, сын мой, не ЗАГС, здесь общие фразы неуместны.

– Женились по молодости, глупые были. Про семейную жизнь только общие представления имели. Страсти отшумели, быт съел.

– Страсти? В основе брака любовь лежит. Любовь была у вас?

– Теперь уже не уверен. Тогда не сомневался, а сейчас, думаю, не было любви настоящей.

– А что такое настоящая любовь, по-твоему?

– Влечение, симпатия...

– Ты, сын мой, о плотской стороне говоришь. А я про любовь. Любовь была?

– Не знаю. Наверное, была.

– А заешь ли ты, что бог есть любовь?

– Слышал что-то.

– Слышал что-то... Если ты любовь убил, ты сына божьего вторично распял. Помнишь, кто такой Понтий Пилат? Думаешь, простил его бог за распятого сына своего?

– Да я-то, какой Пилат? Сколько людей разводятся, и что ж, они все Христа распинают?

– Да, распинают. Каждый раз, когда благодать его отрицают, даром его бесценным пренебрегают, каждый раз повторно копьё ему в ребра вонзают. И что теперь первая жена, счастлива?

– Думаю, да. У нее семья, двое детей уже.

– А ты, ты счастлив теперь?

– Теперь да. Так что, бог, отпустит мне этот грех?

– Отпустит, он милостив. И сам, как и ты, разлюбить любого может. Еще хочешь в чем-то исповедаться?

– Не знаю. Я госслужащий, сами знаете, какой за нами грех.

– За каждым свой. Ты чем грешишь?

– Да все тем же... Все этим занимаются, система такая.

– Система? ...система. Она ведь, из таких как ты состоит.

Если каждый покается, то и система изменится.

– Каждый не покается. Но мне-то что делать, как поступить?

– Ты сам знаешь. Знаешь, как неправильно, вот так и не делай. И будет тогда все правильно и каяться будет не в чем.

– А как насчет отпущения?

– Отпустится. Не богом, так людьми. Только лучше, чтобы бог простил. Дешевле выйдет для тебя.

– Это вы от имени бога мне сейчас советуете?

– Это я от своего имени.

– Скажите, а правду говорят, что человек сам себе простит, то и бог простит ему?

– Да, это правда, только это не твоя правда. Это для тех справедливо, у кого бог в душе живет. Только эти люди и сами грешить не станут, разве что жизнь, каким-нибудь хитрым вывертом, не заставит их, поставив перед сложным выбором. А ты слаб пока. Бог к тебе в душу еще только загля-

дывает, иногда. На него уповай. Молись. Молитвы знаешь?

– Отче наш.

– Хорошо, читай почаще.

– А как правильно читать, по-современному или на церковнославянском?

– Ты знаешь церковнославянский?

– Нет.

– Вот и ответ на твой вопрос.

– А когда читать, по утрам, по вечерам?

– Молитва никогда лишней не будет. А ты читай более, когда на неправое дело решаться будешь. Может, смилостивиться господь и уберезет от лукавого.

– А можно вас спросить, святой отец?

– Спрашивай.

– Почему среди смертных грехов не стоит предательство. Что, разве это не грех?

– Сам как думаешь?

– Не знаю. Не могу понять.

– Когда ты грешишь, ты и есть предатель. Предаешь людей, жену, совесть свою. Все грехи смертные в основе своей предательство имеют.

– Святой отец!

– Что?

– А бог любит меня?

– Ты же пришел сюда. Значит любит. Конечно любит.

– Спасибо, святой отец. С Рождеством вас. Простите ме-

ня.

– Сегодня Пасха! Господь простит. Иди с богом.

Выйдя из храма, Евгений Иванович стал обдумывать сказанное: Странный какой-то поп, говорит, не пойми что. Интересно, он вообще, православной веры придерживается? В Пилаты меня записал, а даже не поинтересовался, венчались ли мы. Для них же, вроде, только венчанные супругами считаются. И бог, который есть любовь, а сам оказывается, любого может разлюбить. Это как понимать? Нет, не ходил раньше на исповедь и больше не пойду.

Прошли выходные, неделя тоже пролетела быстро и без происшествий. Несколько раз звонил некий Громов Валерий Викторович, директор строительной фирмы «Строй Сбыт Снаб Монтаж Проект» или это же в другой последовательности. Была эта фирма из тех, перед которыми ограничения, действительные и вымышленные, стояли китайской стеной. То ли Валерий Викторович верил в существование честного бизнеса (а что такого? кто-то, вон, в русалок верит), то ли просто денег не хватило... трудно сказать. Но всю неделю он доставал Евгения Ивановича назойливой просьбой доставить его заявку лично председателю комитета, прямо на стол. Наивный человек! Полагает, что удача связана с порядковым номером на входящем штампе. Сначала Евгений Иванович отказал, но на втором звонке призадумался, а почему бы и нет? Делать ничего не надо, а деньги вроде неплохие предложил... На третий раз он согласился. Единственной

дилеммой было то, почему Валерий Викторович предлагает деньги ему, а не решит вообще свой вопрос за деньги. Но, просчитывать чужие резоны, дело, как известно, неблагодарное. Поэтому, Евгений Иванович решил не лезть в смысловые дебри и назначил Валерию Викторовичу встречу в кафе, напротив его работы, в пятницу, в обед.

В назначенное время, Евгений Иванович зашел в кафе «Дубовая роща» – милое заведение с отличной кухней и неопределенным стилем, где вести сальные разговоры и решать темные дела стало доброй традицией. «Дубовая роща», часто усмехался Евгений Иванович: Им бы переименоваться в бар «Конфидент», это ближе к истине.

За столом уже сидел Валерий Викторович и нервно теребил в руках бумажную салфетку.

– Здравствуйте, Евгений Иванович! Заждался вас.

– Приветствую, Валерий Викторович. Да я, вроде, не опоздал.

– Нет, дело не в вас, я раньше пришел. Сами понимаете, не сидится дома, когда такой вопрос решается. У меня сейчас судьба предприятия на кону. Если пролетим, можно закрываться и идти на рынок торговать.

– Ну-ну. На рынок никогда уйти не поздно. Выше нос!

– Я теперь только на вас и надеюсь. Богу свечку поставил за ваше здоровье.

– Валерий Викторович, я вам вот что сказать хотел. Я, конечно, то, что от меня зависит, сделаю. Но вы уж совсем-то

меня на пьедестал не ставьте. Я ведь только передам и все. А дальше, сами знаете, от меня ничего не зависит. А то вы, я смотрю, уже как на спасителя на меня глядите.

– Да я все понимаю. Я, если что, к вам не в претензии буду. Вы только передайте, остальное, понятно, не ваша епархия.

– Хорошо, что вы это понимаете. А то, я уж засомневался, помогать ли вам. Не хочу потом крайним оказаться. Претензий я, уж извините, не принимаю. А возвраты – не практикую.

– Никаких претензий, Евгений Иванович. Только передайте и все.

– Ну, хорошо. Принесли?

– Конечно, обижаете.

– Это я-то обижаю? Скорее демпингую!

– Что вы, Евгений Иванович, я не об этом.

Валерий Викторович полез за пазуху, воровато осмотрелся и достал продолговатый конверт. Еще раз оглянувшись, он передал его Евгению Ивановичу, который его приоткрыл, заглянул внутрь, отогнул кончики купюр, как будто это карты, а он играет в «очко», после чего конверт скрылся уже за его пазухой.

– Теперь, когда я заплатил вам, я могу надеяться, что моя заявка попадет на подпись к председателю комитета, минуя общие процедуры?

Евгений Иванович удивленно посмотрел на горе-бизнесмена. Его удивила какая-то казенность и напыщенность

произнесенной фразы. Как будто, это бездарь пытается сдать экзамен в театральный институт, нарочито артистично читая монолог, несмотря на отсутствие зрителей. Желание бросить деньги обратно и послать Валерия Викторовича куда подальше, промелькнуло у него в голове. Неловкая пауза зависла в воздухе.

– Евгений Иванович! Я вам заплатил. Теперь я могу надеяться, что моя заявка попадет на подпись без общих процедур? – повторил проситель.

– Валерий Викторович! Мы с вами уже двадцать раз все обговорили. И далее, копируя тон строителя-неудачника добавил: – Теперь вы можете быть уверены, что ваша заявка попадет на стол председателя и будет на самом верху! Довольны?

– Хорошо, я надеюсь.

– А я надеюсь поесть уже. Обед никто не отменял и он у меня не резиновый. Официант!

На этот властный призыв, из-за соседнего стола, поднялись двое молодых людей и подошли к столику Евгения Ивановича.

– Евгений Иванович? Максимов?

– Собственной персоной. Вам чего?

– Областной УБЭП. Руки, пожалуйста, держите на столе.

– Это еще зачем?

– Евгений Иванович! Руки держите так, что бы мы их видели.

– А что происходит?

– Происходит задержание с поличным при получении взятки. У вас есть при себе денежные средства, которые вам не принадлежат?

Евгений Иванович все понял. Кровь ударила ему в голову, тело обмякло, чиновничий гонор покинул его: Приплыл! Так вот, зачем ты фразу эту проговаривал, – подумал он, взглянув на довольное лицо недавнего просителя: На диктофон писали. Ну, ты и сука...

– Да есть. Во внутреннем кармане, в белом конверте.

– Это ваши деньги?

– Нет. Я взял их в долг... вот, у товарища...

– Какая там сумма?

– Не знаю.

– Взяли в долг и не знаете сколько? Как же вы отдавать будете?

В это время к столу подошел невзрачный человек с чемоданом, в очках, чем-то напоминавший Берию.

– Конвертик достаньте, пожалуйста. Разрешите руки ваши...

Один из оперативников вытащил деньги из конверта и разложил их на столе. «Лаврентий Палыч» достал из чемодана баллончик без маркировки и поппикал на руки Евгения Ивановича, на конверт, на купюры; после этого посветил портативной ультрафиолетовой лампой. Деньги засветились ядовитым свечением, слово «взятка» отчетливо чита-

лось на них. Этим же зеленым цветом светились пальцы Евгения Ивановича и конверт.

– Понятые, подходим. Только что, при получении денежных средств от гражданина Громова, задержан Евгений Иванович Максимов.

– Евгений Иванович, назовите пожалуйста место вашей работы и занимаемую должность.

Дальше все поплыло перед глазами взяточника: лица, акты, протоколы... Ощущение нереальности происходящего завладело им.

К вечеру, Евгения Ивановича привезли в управление. Он начал понемногу приходить в себя. Картина происшедшего стала проясняться. Задержавшие его оперативники куда-то делись, теперь перед ним был следователь. Неопределенного возраста, невзрачный, со специфическим чувством юмора мента, хотя он относился к другому правоохранительному ведомству. Звали его... да так и звали: следователь. Исходя из дальнейших событий, можно было назвать его Мефистофель, но в его адрес это прозвучит как-то слишком высокопарно.

– Здравствуйте, Евгений Иванович. Что тут у нас с вами... взятка? Взятка... Я ваш следователь, буду вести ваше дело. Что решили? Показания давать будете?

– Мне кажется, у вас и без моих показаний есть все что надо.

– Правильно вам кажется, доказательств, хоть отбавляй.

Но процедура есть процедура. Так что? Дадите показания?

– Я бы хотел сначала с адвокатом переговорить.

– Законное желание, я вызвал для вас дежурного... или у вас свой есть?

– Есть знакомый. Но сейчас он здесь, конечно, не появится.

– А нам нужен прямо сейчас. Так что, бесплатным воспользуетесь?

– Бесплатным грех не воспользоваться.

– Ну да, вы-то об этом лучше всех знаете!

Последней фразой следователь, видимо, подколот Евгений Ивановича, но тот не понял. Кому-кому, а ему сейчас точно было не до приколов.

Через полчаса появился дежурный адвокат, Анатолий Борисович, солидный мужчина, на вид чуть постарше Евгения Ивановича, в хорошем костюме с пузатым портфелем и чуть хрипловатым голосом.

– Можно нам поговорить с клиентом наедине? – обратился он к следователю.

– Пожалуйста, общайтесь наедине. Я буду в соседнем кабинете. Стукнете в стену, когда закончите. С этими словами, следователь взял подмышку дело и удалился. Евгений Иванович и его защитник остались вдвоем.

Отрекомендовавшись друг другу, они начали обсуждать сложившуюся ситуацию. Евгений Иванович рассказывал свою историю, Анатолий Борисович уточнял, вставлял мно-

гозначительные реплики, поминал УК, УПК и другие угрожающие аббревиатуры. Многое он уже знал от следователя, и картина в мозгу профессионала сложилась, как пазл.

– Так что посоветуете, Анатолий Борисович? Признаваться или нет?

– Сами смотрите, Евгений Иванович. С одной стороны, признаться никогда не поздно: хоть на следствии, хоть в суде. Но признавшись один раз, назад уже не отыграете. С другой: а что вам, собственно, отрицать-то? Взяли вас с поличным, при передаче. Все писалось, и не только на диктофон. Они там, в кафе, целую киностудию устроили, филиал Парاماунд Пикчерс! С техникой у них сейчас попроще, так что ни в чем себе не отказывают. Деньги меченые, руки светились... Короче, смотрите сами. Я вам честно скажу, оно и мне выгоднее, чтобы вы сознались. Пустой работы меньше. Но я, что б там про нас не говорили, никогда клиенту плохого не посоветую. Я, может, в чем-то и беспринципный человек, но только не в этом. Следствие, опять же, благосклоннее смотреть на вас будет, а для вас это точно не лишне. Скорее всего, суда дома станете дожидаться. Но, повторюсь, дело ваше. Я в любом случае вашу точку зрения отстаивать буду.

Евгений Иванович задумался, откровенность адвоката подкупила его: да, действительно, сейчас признаешь, потом уже не откажешься. Но что говорить? «Я принимаю препараты, побочным действием которых является...» Нет, чушь все это.

Хоть Евгений Иванович и не был юристом, он много чего слышал на эту тему. Единственное, чего он не мог припомнить, так это чтобы кому-нибудь, после задержания с поличным, удалось соскочить. Вспомнился некий Пиотухович, который принял подношение в виде нового холодильника. Так вот, благодарный клиент его, через год, обанкротился. Сам, по собственной дурости. И пошел искать виноватых везде, где только мог. Заявил и на Пиотуховича. И вот казалось бы, где взятка, а где холодильник через год? Какой простор для версий о его приобретении! И то, – не прошло. Приехали с обыском, холодильник описали, Пиотуховича закрыли. И путешествует он теперь по казенным местам на казенный же счет. А что у меня? Все задокументировано, запротоколировано, и так далее и тому подобное. Не о чем говорить.

– Вы правы, нечего выдумывать. Все доказано. Не буду я никому мозг компостировать, зовите следователя.

На стук в стену, следователь быстро вернулся в кабинет.

– Ну что, пообщались?

– Пообщались.

– Что решили?

– Решили признавать.

– Вот и славненько! Верное решение приняли. Мы тоже вам навстречу пойдем. Сейчас чистосердечное оформим, вам на суде зачтется.

Через час все документы были оформлены и подписаны. Признание Евгения Ивановича состоялось.

– Ну что, все?

– Да, Анатолий Борисович. Мы с вами закончили, спасибо за сотрудничество!

– Я с органами не сотрудничаю. – ответил адвокат неожиданно резко.

– Это пока сами не попались. Ха-ха-ха. Шучу я, шучу, не это имел ввиду. Спасибо что пришли, хороших вам выходящих.

Дверь за Анатолием Борисовичем сердито захлопнулась. Евгений Иванович и следователь остались в кабинете одни.

– Что вы по мне решили? На подписку отпустите или, может, под домашний арест?

– По тебе Евгений Иваныч? По тебе мы еще ничего не решили. Только еще собираемся. Пока, на двое суток в ИВС, а там посмотрим.

После ухода адвоката, следователь перешел на «ты» в одностороннем порядке.

– Комитет твой прогнал насквозь. Не один вопрос без мзды не решается. Признаешь, надеюсь, этот факт?

– Я уже все признал. Чего тут отрицать, с личным взяли...

– О тебе и речи нет, тут все ясно, доказательства налицо. Ты нам про начальника своего расскажи, да про его зама, первого.

– Да мне и рассказать-то нечего. Они свои дела без меня делают...

– Евгений Иванович! Ты ведь, по сути, мужик-то неплохой. Оступился, бывает. Но на их фоне ты так, хулиган мелкий. Подзатыльник дать, да отпустить. А вот эти... эти да! Тут, блин, клейма ставить негде. Они эту систему создали, и ты, по сути, из-за них пострадал. Кого выгораживать-то?

– Но я...

– Думаешь, они б тебя стали? Они через любого перешагнут, не поморщатся. Не помнишь, в позапрошлом году, у вас там Рангинского за взятку приняли? Знал такого?

– Знал, конечно... но я...

– А знаешь, кто его тогда подставил? Думаешь, он сам в такую авантюру полез? Да она ему и не по зубам была... для них, козлов, старался. А они ведь знали, что дело нечисто. Их ведь тогда предупредили: не суйтесь, дело на контроле! Так они не сами, они Рангинского послали. Вот и результат. Он теперь уж второй год на зоне срок тянет, а они, вон, в шоколаде все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.